

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викторов В. П. Отчет об археологической разведке, проведенной по р. Тавде в 1962 г. // АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 31.
2. Швечикова В. А. Новые неолитические памятники лесного Зауралья // Уч. зап. ПГУ. Пермь, 1968. № 191.
3. Арефьев В. А. Прочерченно-накольчатая керамика неолитических поселений Тагильского Зауралья // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.
4. Викторова В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969.
5. Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // ПХКПАПЗС. Томск, 1970.
6. Борзунов В. А., Липский В. И. Туманские укрепленные поселения-жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
7. Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург, 1992.
8. Алексахин Н. А. Промысловые стоянки Леуши I // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
9. Халеев П. К. Каменный инвентарь поселения Балакино I // ВАУ. 1981. Вып. 15.
10. Сериков Ю. Б. Каменные орудия эпохи бронзы на стоянках лесного Зауралья // ИИС. 1976. Вып. 21.

С. Ф. КОКШАРОВ, Н. К. СТЕФАНОВА

ПОСЕЛЕНИЕ ВОЛВОНЧА I НА Р. КОНДЕ

В среднем течении р. Конды — левого притока Иртыша — довольно многочисленны высокие останцы, занятые в основном сосновыми борами. Разведками последних лет здесь выявлены разнообразные археологические памятники от мезолита до средневековья. Некоторые из них изучены широкими площадями, в том числе поселение Волвонча I, которому посвящена данная статья. Кроме обилия и оригинальности находок, прежде всего керамики, памятник интересен четкой стратиграфией, наличием остатков металлообработки, а также полученной серией радиоуглеродных дат.

Впервые на Волвонче I побывал А. В. Малышкин [1, с. 252]. Раскопки памятника проведены в 1979 г. экспедицией Уральского университета под руководством Н. К. Стефановой [2, с. 235].

Поселение расположено на мысовидном выступе эпонимного урочища (4,5 км к северо-северо-западу от райцентра Кондинское Тюменской обл.), ограниченном протокой Полымьятской и оз. Деревенским (рис. 1, А). Очевидно, и в древности место

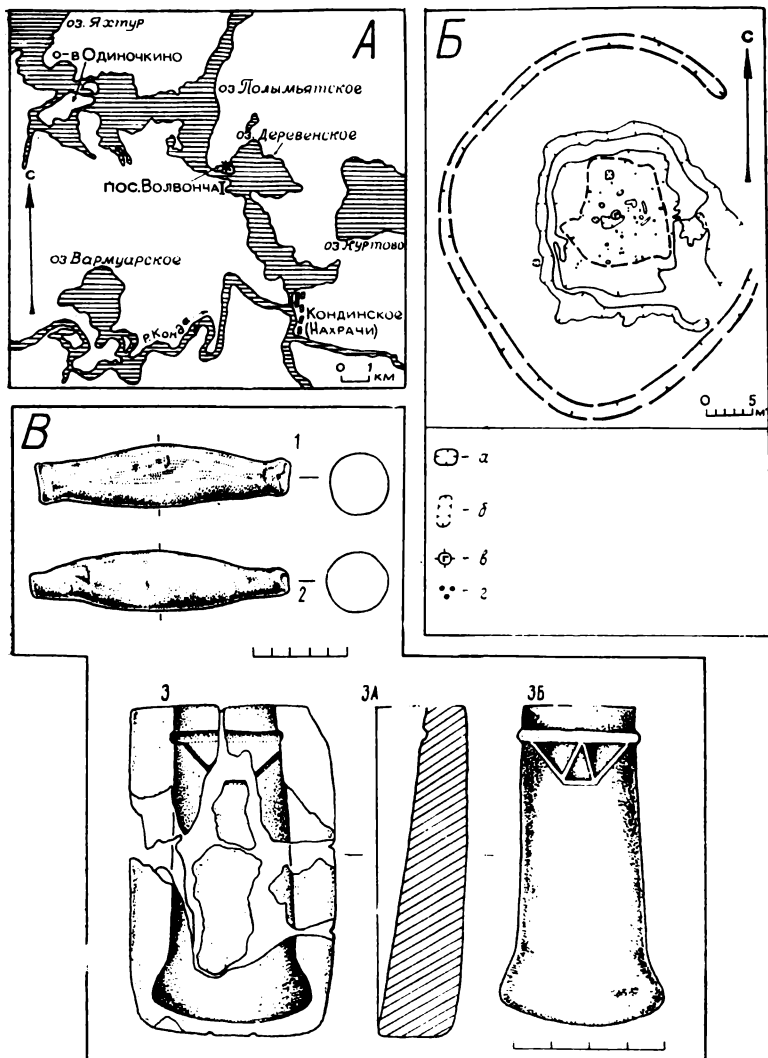

Рис. 1. План расположения поселения Волвонча I (А). Очертания сооружений энеолита и бронзового века (Б).

Находки: грузила от сетей (В, 1, 2), створка литейной формы и графическая реконструкция кельта (3, 3А, 3Б): а — очертания ям, котлована раннего жилища и рва, б — очертания котлована позднего жилища и предполагаемые границы позднего рва, в — очаг-коштрище, г — ямки от столбов

было оптимальным для промысла рыбы, отличалось прекрасным обзором округи, хорошо освещалось и продувалось. Памятник прослеживался в виде впадины диаметром до 20 м с пологими бортами, переходящими в мощную валообразную насыпь. Последняя была окружена широким рвом, который в 1979 г., отличавшемся высоким уровнем воды в реках, оказался подтопленным [3].

Раскопом площадью 558 м² изучены остатки двух жилищ — энеолитического и эпохи бронзы, а также частично исследован внешний ров. Под валообразной насыпью выявлены следы еще одного рва. В ходе раскопок найдены более 5,5 тыс. обломков глиняной посуды, литейная форма и грузила из глины, каменные предметы¹.

Энеолитические объекты представлены остатками жилища и внешнего рва (см. рис. 1, Б). От жилища сохранился прямоугольный котлован (16 × 13 м) глубиной 0,8—0,9 м, ориентированный в меридиональном направлении. Большая площадь котлована при незначительной его глубине предполагает достаточно мощную несущую конструкцию. С ее остатками мы связываем наиболее глубокие (30 см и более) столбовые ямки, сгруппированные по две-три в ряд вдоль северного, восточного и южного бортов котлована. От последних столбы отстояли на 2—4 м. По-видимому, на этих опорах укреплялась подпрямоугольная рама, которая служила основой для сооружения наклонных стен и кровли. Снаружи постройка присыпалась грунтом, вынутым из котлована и рва. Скорее всего, жилище было шатрового типа и выглядело со стороны как большой песчаный холм. Вокруг жилища был вырыт ров шириной около 1 м, глубиной до 0,5 м (см. рис. 1, Б). Он находился в 0,3—2,4 м от стен жилища и 3—4 м от его юго-восточного угла. Рядом с этим углом ров прерывался, образуя проход шириной 6—7 м и небольшую площадку. Очевидно, здесь был выход.

Ближайшая аналогия описанному жилищу — наземная шатровая постройка памятника Пашкин Бор I, расположенного в 16 км к юго-западу от пос. Кондинского [4, с. 162—163, рис. 1]. Последняя также была окружена рвом, имела большую (около 200 м²) площадь, мощную столбовую конструкцию и центральный очаг. Отсутствие следов очага в жилище на Волвонче можно объяснить тем, что раннее кострище было разрушено сооружением бронзового века.

С волвончинским жилищем эпохи энеолита связаны фрагменты более чем 300 сосудов (рис. 2—5). Это преимущественно

¹ Среди находок, не рассмотренных в публикации, отметим несколько фрагментов керамики эпохи неолита, черепки от 15 сосудов атымьинского типа и, очевидно, связанных с ними 6 (?) глиняных биконических грузил, коллекцию шапкульской керамики (не менее 35 сосудов) и три развала сосудов железного века. К эпохе энеолита, по-видимому, относятся шлифованные тесла из зеленокаменной породы.

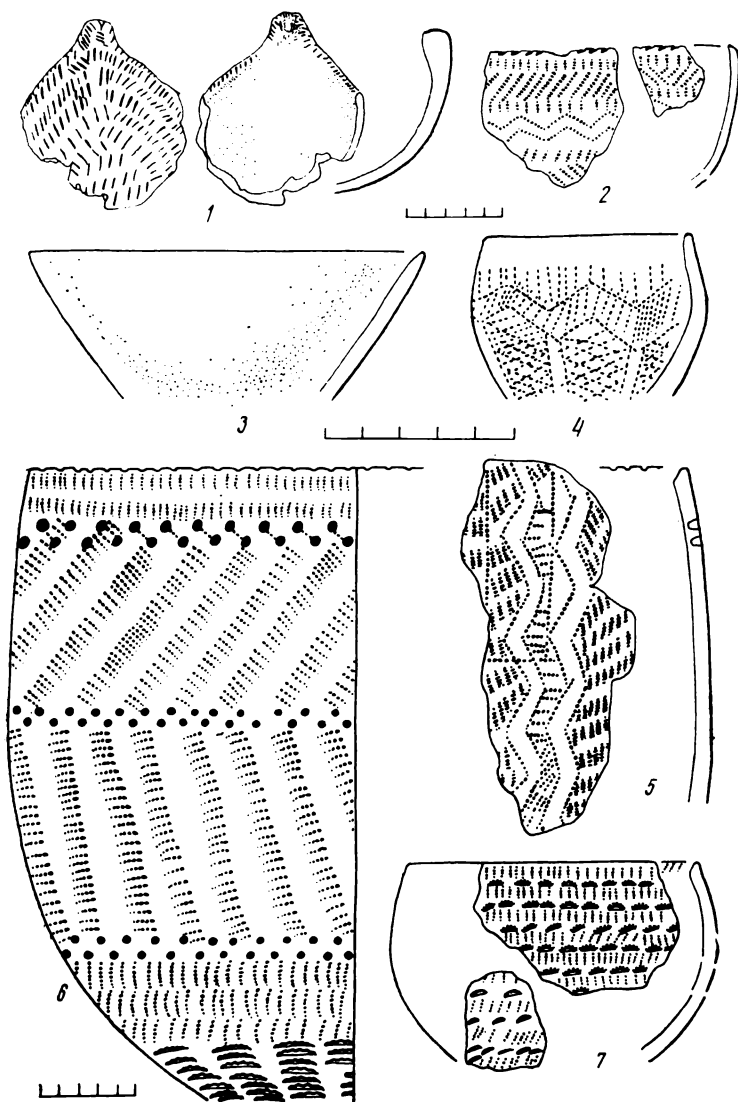

Рис. 2. Поселение Волвонча I. Керамика волвончинского типа (1—7)

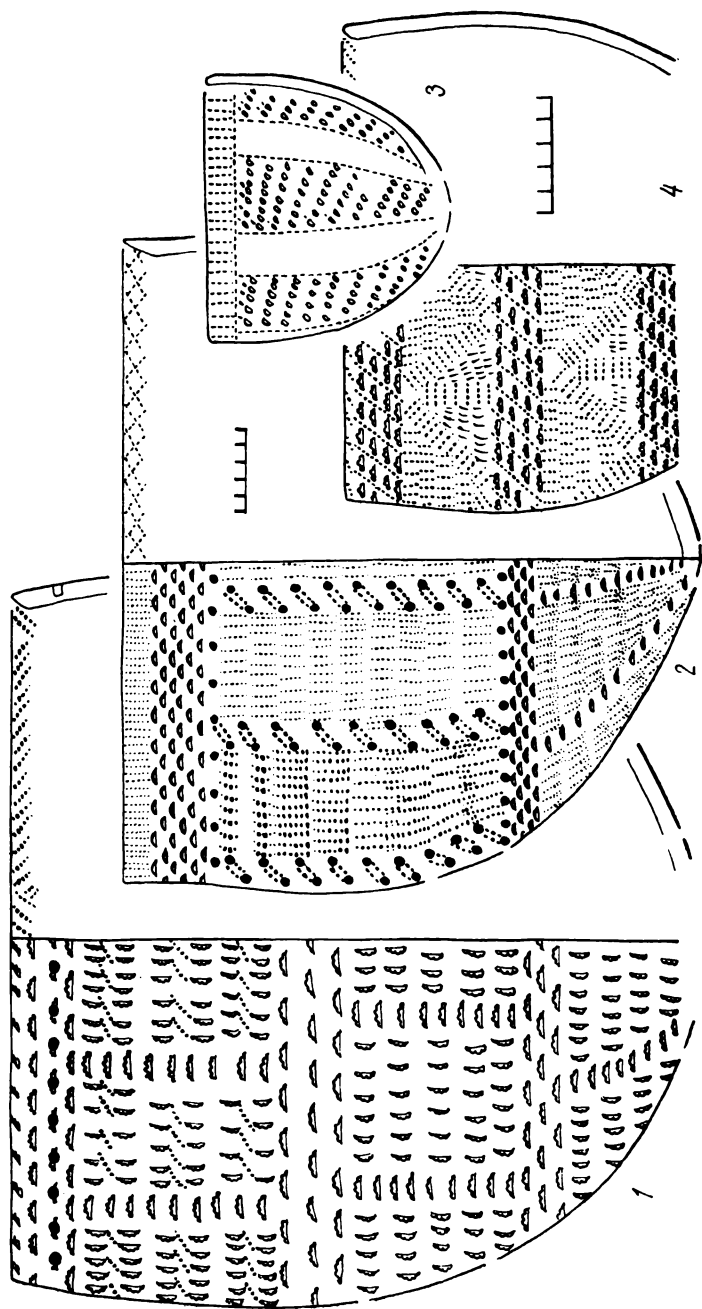

Рис. 3. Поселение Волвонча I. Графические реконструкции керамики волвончинского типа (1—4)

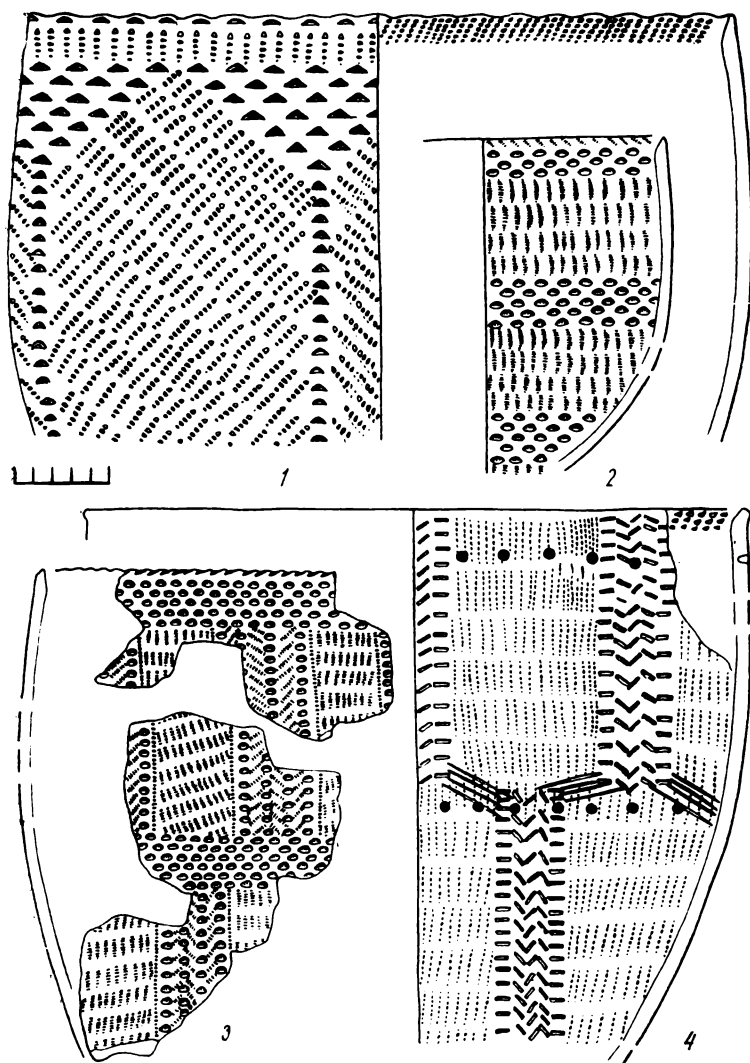

Рис. 4. Поселение Волвонча I. Графические реконструкции керамики волвончинского типа (1—4)

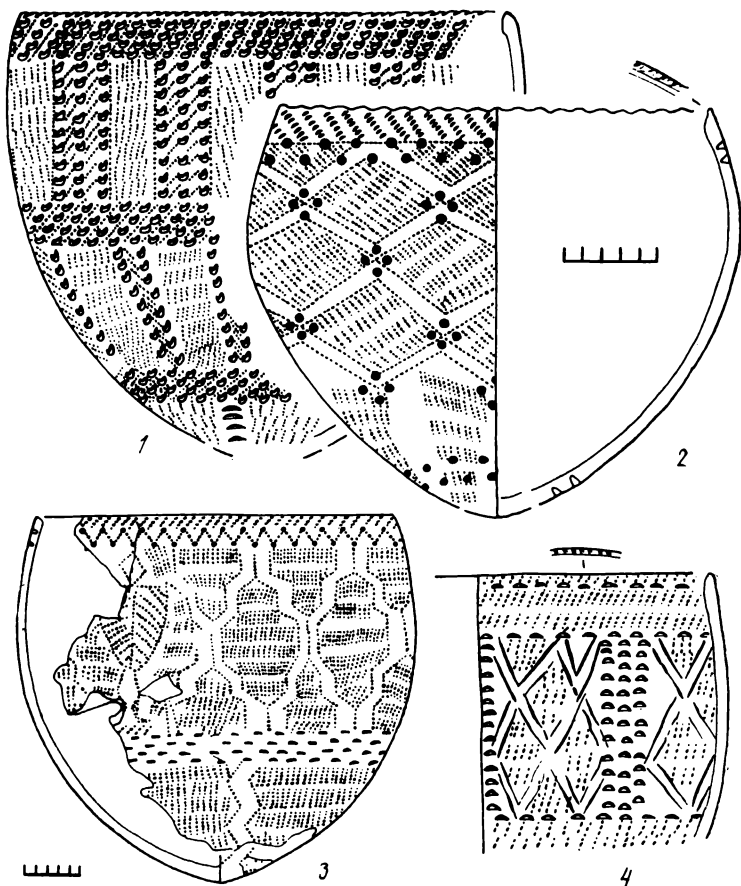

Рис. 5. Поселение Волвонча I. Графические реконструкции керамики волвончинского типа (1—4)

круглодонные банки, делящиеся по степени наклона стенок на закрытые — 63 экз. (82,9 %), прямостенные — 9 (11,8 %) и открытые — 3 (4 %). В коллекции единичны нестандартные емкости: ладьевидный сосуд с зооморфным налетом, многоугольная чаша и тарелка (см. рис. 2, 1, 2). У 61 сосуда был замерен диаметр по венчику, у 20 — высота. Первый параметр варьирует от 5,5 до 41 см, его среднее значение — 25,6 см. Относительно этой величины сосуды разделены на малые и большие. Их количественное и процентное соотношение следующее: 27 (42,9 %) и 36 (57,1 %) соответственно. Высота сосуда обычно не превышает диаметра или равна ему.

При изготовлении посуды к глине добавляли шамот, лимонит, изредка дресву. После грубой черновой затирки стенок не-

ровности заглаживали, а внешнюю поверхность часто ложили. Толщина стенок зависела от размера сосуда и была равна в среднем 6—8 мм. Венчики обычно приостренные, часто деформированные при орнаментации. Узоры наносились гребенчатыми (иногда с косой нарезкой зубцов) и гладкими штампами, а также палочкой с округлым концом. Единичны оттиски полой трубочки, «текстильные» отпечатки, пальцевые вдавления, прочерченные линии. Кроме наружной поверхности сосуда, орнаментировалась иногда и внутренняя. В орнаментальной композиции выделялись зона под венчиком, разделительный (ямочный) пояс, тулово и дно. Под венчиком обычны ряды прямо и косо поставленных оттисков гребенки. Ямки, нанесенные в шахматном порядке, нередко дополнены гребенчатыми отпечатками, как бы соединяющими их в цепочку (см. рис. 2, 6; 5, 2, 3). Очень часто ямки заменены глубокими наколами гребенки (см. рис. 3, 4; 4, 1—3; 5, 1). Узоры на тулове достаточно разнообразны. Из них около 20 % составляют мотивы в виде прямо и наклонно поставленных оттисков. Часто они образуют горизонтальные зоны, рассеченные вертикальными колонками из ямок или наколов гребенчатых штампов (16,2 %) (см. рис. 3, 1, 2; 4, 1, 3, 4; 5, 1, 4). Наиболее выразительны композиции, построенные на основе рассеченных сеток с прямоугольной и шестиугольной ячейками (соответственно 11,6 и 8,4 %) (см. рис. 5, 2—4). Некоторые сетчатые узоры заполнены по принципу обратимости (синонимии)² и представляют собой своеобразное шахматное поле, ячейки которого имеют форму треугольников, прямоугольников и ромбов (см. рис. 3, 3). Особый интерес представляют встречающиеся в орнаменте зоо- и антропоморфные изображения (см. рис. 2, 1, 5; 5, 3). Среди зооморфных изображений угадываются змеи, выполненные в двух манерах — контурно-плоскостной и объемной. В первом случае они представляют собой одно- и двухрядовые гребенчатые зигзаги, поднимающиеся по внутренним и внешним стенкам (см. рис. 2, 5). Во втором они выполнены из орнаментированных глиняных жгутов, наклепанных на внешнюю стенку одного из сосудов. Антропоморфные изображения выполнены гребенчатым штампом в контурно-плоскостной манере (см. рис. 5, 3). Они детально рассмотрены в одной из специальных работ [5, с. 4—28].

Особо следует отметить изображение животного в виде низкой овальной чаши, в узкой части которой находится голова, обращенная внутрь емкости (см. рис. 2, 1). Она напоминает по

² Исходя из принципа построения геометрических узоров на таежной керамике эпохи энеолита, мы предлагаем ввести понятие «сетчатый геометризм». Кстати, он же отчетливо прослеживается в андроновском орнаменте и орнаментах народов Нижнего Приобья. По нашему мнению, было бы неверно отождествлять геометризм на керамике энеолитических памятников с андроновским, так как они характеризуют хронологически разные материалы.

исполнению сосуд с поселения Атымья IV [6, с. 54, рис. 9, 12], но выполнена все же более стилизованно.

На наш взгляд, декоративно-морфологические признаки рассмотренной керамики позволяют выделить ее в самостоятельный тип, который мы предлагаем назвать волвончинским. С данным комплексом связаны глиняные грузила для сетей, которые известны под названием «сигаровидные» (см. рис. 1, В, 1, 2). Коллекция насчитывает фрагменты минимум 15 предметов и три целых экземпляра. Длина последних — до 11 см, диаметр — до 2,5 см. Подобные грузила — обычная находка на памятниках более южных районов Западной Сибири [7, с. 7; 8, с. 17—18, рис. 1, 11—16, 18, 19, 22].

Время существования раннего жилища на Волвонче устанавливается по стратиграфии, облику находок (керамики и рыболовных грузил), а также по датам, полученным радиоизотопным методом.

Круглодонность сосудов раннего комплекса поселения Волвонча I, преобладание среди них баночных форм, а главное частая встречаемость узоров из разнообразных ямок сближают рассмотренную коллекцию с керамикой андреевской культуры [9, с. 49—53, рис. 14, 15]. Вместе с тем орнамент первой более разнообразен и оживлен включением в него геометрических фигур, вертикальных и наклонных колонок. По перечисленным признакам волвончинская посуда близка поздним атымьинским комплексам, которые предложено рассматривать в качестве северного варианта липчинских памятников [6, с. 60].

По горизонтальным и вертикальным срезам культурного слоя памятника удалось определить, что во впадине, образовавшейся на месте энеолитического жилища, была возведена постройка бронзового века (речь о ней пойдет ниже). Аналогичная стратиграфия наблюдалась в раскопе III поселения Геологическое III (район Верхней Конды), где объект с керамикой раннего бронзового века располагался над жилищем с посудой волвончинского типа [10].

Имеющиеся факты дают основание говорить об энеолитическом или, по крайней мере, добронзовом возрасте памятников с волвончинской керамикой. Необходимо также учесть и другие обстоятельства, корректирующие хронологическую позицию интересующих нас материалов.

Прежде всего, обращает на себя внимание плохая сохранность на Волвонче I фрагментов атымьинской керамики и отсутствие каких-либо объектов, с которыми последняя может быть связана. Возможно, это косвенное доказательство более позднего возраста волвончинских материалов.

На одновременность упомянутых энеолитических комплексов указывает также форма сопровождающих их рыболовных грузил. Если атымьинская посуда залегает в одних слоях с архаичными биконическими грузилами [6, с. 52, 56], то волвончинская

и андреевская встречены в единых комплексах с сигаровидными, снабженными шляпками для подвешивания. Принимая к сведению данный факт и допуская, что распространение в орнаменте ямочных узоров — явление хронологического порядка, можно более уверенно синхронизировать волвончинские керамические материалы с андреевскими, нежели атымьинскими, и отнести время их существования к концу III — началу II тыс. до н. э. С таким выводом согласуются две из пяти дат, полученных по углю с Волвончи I, — 4240 ± 40 (шифр образца ЛЕ-1453) и 3900 ± 60 лет (ЛЕ-1448). Другие даты: 5950 ± 80 (ЛЕ-1451), 5260 ± 40 (ЛЕ-1452) и 4720 ± 60 лет (ЛЕ-1450).

К настоящему времени в бассейне Конды учтено более 50 пунктов (поселений и местонахождений), на которых найдена керамика волвончинского типа. Круг вопросов, связанных с этой группой памятников, нуждается в детальной проработке. Тем не менее уже сейчас можно признать преждевременным вывод об отождествлении их с древностями липчинской культуры [6, с. 61]. Волвончинские памятники должны быть в целом моложе атымьинских, что не исключает, однако, их кратковременного сосуществования.

Остатки эпохи бронзы. Для сооружения жилища эпохи бронзы была использована впадина разрушившейся энеолитической постройки. Заселение уже некогда обжитой площадки, очевидно, существенно облегчало строительные работы. Поздний котлован полностью вписывался в контуры ранней постройки (см. рис. 1, Б), но отличался цветом заполнения (бурая и буро-углистая супесь). Он имел подпрямоугольную форму ($11,8 \times 9,8$ м) и был ориентирован в меридиональном направлении. Пол постройки значительно понижался к центру, где зафиксированы остатки очага-кострища в виде пятна розово-оранжевой супеси диаметром около 1 м, мощностью до 0,15 м. С юга и юго-запада очаг был ооконтурен дуговидной в плане канавой ($2,65 \times 1,6 \times 0,49$ м), заполненной темно-серой гумусированной супесью с углистыми включениями.

В 8,8—11,5 м от стенок котлована был выкопан новый ров (см. рис. 1, Б). Судя по вскрытым участкам, его ширина — около 1,5 м, глубина от уровня погребенной поверхности — немногим более 0,5 м.

Данных для реконструкции жилища явно недостаточно. Между тем, форма котлована, его размеры, наличие валообразной насыпи по периметру сооружения позволяют предполагать достаточно мощный деревянный каркас, возможно, аналогичный по ряду признаков более раннему энеолитическому.

Комплекс керамики насчитывает не менее 12 сосудов, большинство из которых — прямостенные и слегка закрытые банки (рис. 6). Лишь в трех случаях отмечены короткие слабопрофилированные шейки (см. рис. 6, 4, 6). Днища плоские, большие. Переход от тулова к придонной части одного сосуда ребристый.

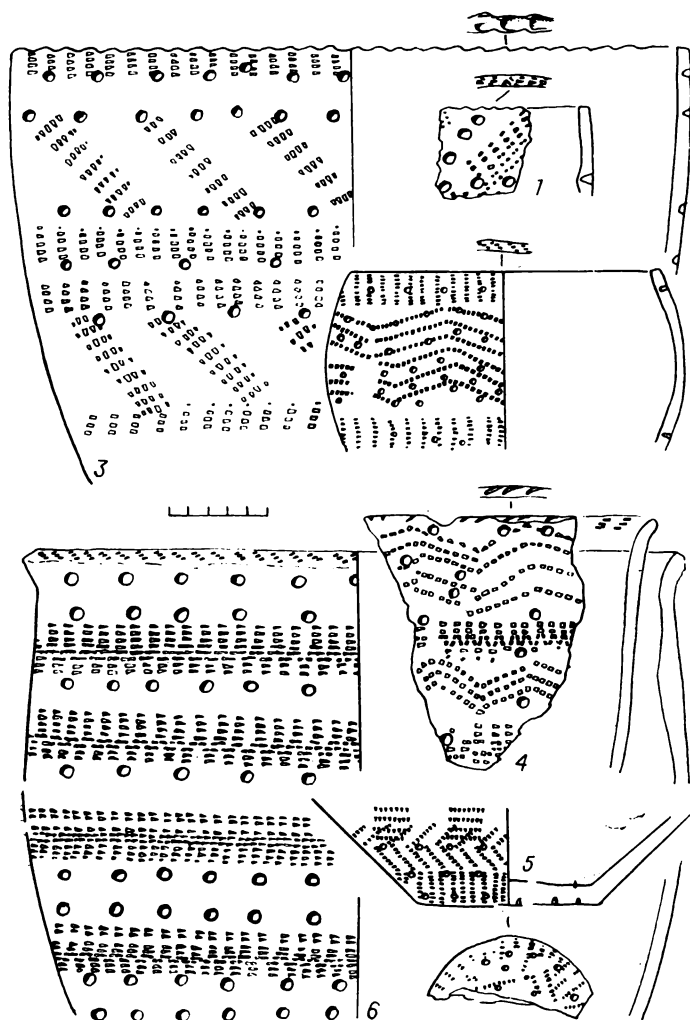

Рис. 6. Поселение Волвонча I. Полымьятская керамика позднего бронзового века (1—6)

Венчики сосудов округлые и уплощенные, два из них деформированы вдавливаниями пальцев (см. рис. 6, 3).

В глине обильная примесь шамота, тесто рыхлое, слоистое. Толщина стенок 10—12 мм, изнутри они заглажены небрежно. Орнамент разреженный, но полностью — от дна до венчика — покрывает наружные стенки сосудов. Основными орнаментами были гребенчатый штамп и палочка с округлым концом. Первым нанесены горизонтальные, наклонные и зигзаговые пояса, второй — ряды ямок. По способу использования гребенчатого штампа выделяются два типа сосудов: в первом преобладают оттиски шагающей гребенки (см. рис. 6, б), во втором — печатной (см. рис. 6, 2, 3). Этот комплекс находит аналоги в посуде полымьятского типа периода поздней бронзы Кондинского бассейна [4, с. 169].

Из данного жилища происходит створка литейной формы кельта (см. рис. 1, В, 3, 3а). Она изготовлена из глины с небольшой примесью кальцинированных костей. Судя по негативу, орудие имело почти округлую втулку, резко расширенное сечкообразное лезвие, ребра жесткости отсутствовали. Длина кельта — 9,8 см, диаметр устья — около 3 см, ширина — 5,1 см. Изделие украшено валиком, параллельным краю втулки и, по-видимому, пояском из взаимопроникающих треугольников: два из них направлены вершинами вниз, один (между ними) — вершиной к устью (см. рис. 1, В, 3, б).

Морфологические особенности сближают волвончинскую форму с матрицами кельтов, найденными на другом полымьятском поселении — Пашкин Бор I. В них отливались орудия небольших размеров с овальной в сечении втулкой без ребер жесткости. Правда (в отличие от кельта с Волвончи I), они имели иную форму лезвий и были лишены орнамента. Встречаемость тех и других изделий в поздних полымьятских жилищах свидетельствует, очевидно, об одновременности. Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых отнесли литейные формы кельтов с поселений Пашкин Бор I и Волвонча I к группе находок самусьского типа (соответственно разряды К-38 и К-42) [11, с. 148, 152, рис. 75, 3—5; 77, 6]. По их мнению, появление орудий самусьского облика знаменует начало функционирования местных очагов металлообработки в лесной зоне Западной Сибири. К этому времени коренное население Северной Евразии уже освоило технологию тонкостенного литья, выработанную сейминско-турбинскими металлургами [12, с. 89, 105]. Следовательно, изделия самусьско-кижировского типа моложе сейминско-турбинских и «...вписываются в последующий горизонт бронзового века» [12, с. 85].

Рассуждения исследователей, касающиеся типологической принадлежности литейных форм кельтов с поселений Конды, вряд ли могут быть приняты безоговорочно. Включая их в группу самусьских орудий, Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, на наш

взгляд, допускают серьезную ошибку, поскольку в матрицах изготовлялись орудия, несопоставимые по морфологическим характеристикам не только с сейминско-турбинскими, но и самусьско-кижировскими сериями. Кондинские кельты отличаются овальное сечение втулки в средней части и отсутствие на тулове укрепляющих ребер или валиков. Следовательно, литейные формы с Волвончи I и Пашкиного Бора I неправомерно привлекать для решения проблемы хронологического соотношения сейминско-турбинских и самусьско-кижировских древностей, так как они демонстрируют иной тип орудий.

При датировке поздних полымьятских памятников и, в частности, позднего слоя Волвончи I было бы неосмотрительно пользоваться какой-то одной категорией вещей, например литейными формами (тем более, что последние имеют столь специфический облик). В данном случае вполне оправданно привлечение всего корпуса имеющихся источников: керамики, наконечников стрел и рыболовных грузил. Ранее отмечалось, что перечисленные находки обнаруживают четкие параллели в комплексах доандроновского времени Западной Сибири [4, с. 168—172]. Этот период можно определить и более конкретно — самое начало позднего бронзового века. Он отмечен технологическим скачком в металлообработке, который проявляется в использовании закрытых литейных форм и жестко фиксируемых сердечников.

Говоря о памятниках полымьятского типа, следует иметь в виду, что они делятся на ранние и поздние. Хронологическая градация основана на уровне металлообработки: если на ранних поселениях (Геологическое III, Лева VIII и XII) найдены примитивные односторонние литейные формы для получения заготовок-полуфабрикатов в виде эллипсо- и трапециевидных слитков [13, с. 111; 14, рис. 1, 36, 40], то на поздних отливались уже втульчатые орудия и оружие.

Судя по данным стратиграфии, ранние полымьятские поселения сменяют памятники, содержащие керамику волвончинского типа [14, с. 95]. Верхний же хронологический рубеж полымьятских комплексов совпадает с распространением памятников варпаульского типа [14, с. 98]. Это событие происходит, по-видимому, около рубежа второй и заключительной трети II тыс. до н. э. — времени появления андроновцев в Западной Сибири [9, с. 111—112; 15, с. 152].

В заключение следует отметить также локальные особенности поздних полымьятских керамических комплексов, нашедшие отражение в орнаменте. Вероятно, эти различия определялись направлениями связей различных групп кондинского населения. Если на материалах с Затуманной Конды отчетливо видны северо-сосвинские (сартынские) традиции, то на находках с нижнекондинских поселений прослеживается влияние культуры зауральского и иртышского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малышкин А. В. Исследования на р. Конде в Тюменской области // АО-1977. М., 1978.
2. Стефанова Н. К. Исследования в Кондинском районе // АО-1979. М., 1980.
3. Стефанова Н. К. Отчет об археологических исследованиях Уральской археологической экспедиции в зоне строительства Кондинского рыбопитомника. АКА УрГУ. 1979. Ф. 2. Д. 320.
4. Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3.
5. Кокшаров С. Ф. Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения в энеолите // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала: [Препринт.] Свердловск, 1990.
6. Стефанов В. И., Кокшаров С. Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. 1990. № 3.
7. Юровская В. Т. Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАУ. 1973. Вып. 12.
8. Косарев М. Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.
9. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
10. Кокшаров С. Ф. Отчет о раскопках поселения Геологическое III и археологической разведке в окрестностях пос. Комсомольского в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1986 года. АКА УрГУ. 1987. Ф. 2. Д. 431.
11. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
12. Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М., 1987.
13. Визгалов Г. П. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды // Материальная культура населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
14. Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. 1991. Вып. 20.
15. Хабдулина М. К., Зданович Г. Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.

В. Ф. ГЕНИНГ, В. И. СТЕФАНОВ

ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНООЗЕРЬЕ I, БОЛЬШОЙ ЛОГ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Поселение Черноозерье I (рис. 1) находится в 1 км к юго-западу от д. Черноозерье Саргатского р-на Омской обл. Расположено на вытнутом с юго-запада на северо-восток дюнном возвышении у бровки террасы, уступом поднимающейся на 11—12 м над поймой. Скорее всего, это вторая надпойменная терраса левого берега р. Иртыш [1, с. 34; 2, с. 67]. В месте рас-